

Пророк Даниил и ангел

Северная стена и склон свода центрального нефа. Над северной аркой – апостолы и ангелы Страшного Суда. На северной грани восточной арки в нижнем ярусе (справа от нас) – пророк Даниил и ангел. С противоположной стороны (слева от нас) - ангел, трубящий небу.

Арка в восточной части нефа не имеет люнета - щеки свода, но едва лишь обозначена малой рельефной формой, содержащей продолжение живописи апостолов и ангелов Страшного Суда. По внутренним граням столпа пространственная икона распространяется в нижний живописный ярус двумя изображениями, расположенными напротив друг друга: пророка Даниила с ангелом – на северном столпе, шествия праведных и преподобных жен - на столпе южном. Присмотримся к ним последовательно во взаимосвязи с общей композицией образного пространства.

Обе эти композиции ориентированы от подкупольной вертикали храма на запад, на встречу к людям, молящимся за литургией, эти части композиции не сонаправлены с литургическим действием. Образ в этой отчётливо видимой части обращён к молящимся. Но, вместе с тем, образ устремлён к некоему центру, концентрирующему пространство нефа, в сторону не видимой, но словно бы осязаемой, вертикальной оси нефа, собирающей вокруг себя целостную композицию. Композиция шествия праведных жен

расположена справа от молящихся и как бы движется навстречу. Изображение пророка Даниила с ангелом слева и также – развёрнута навстречу к литургическому предстоянию.

В предварительных суждениях о композиции шествия праведных жен мы уже отмечали, что взоры всех участниц этого образного шествия обращены к единому центру – к образу Судии на престоле или же к образу этимасии – собственно престола уготованного Христу. Человек, молящийся за литургией, не поднимая своей головы и взора ко Христу – видит это образное взирание праведниц. Опосредованно этими взорами святости, человек внутри образного пространства нефа препосылает личное молитвенное возношение к Судии. Так воспримем этот композиционный замысел живописи.

Жест ангела и взгляд пророка Даниила задают в композиции ощутительный вектор движению вверх, что гармонично сочетается с вертикальным устремлением фигуры ангела, взывающего к небу – в западной арке нефа на северной грани. Можно бы логически выстроить воображаемые линии, образуемые жестами ангела возле пророка Даниила и направлением ангельской трубы. Эти линии будут устремлены к фигуре Христа. Продолжая умозрительные связи в композиции, соотнесём динамику этих линий с жестом Спасителя – от опущенной левой руки Христа со стороны северного свода – к воздетой деснице – со стороны южного свода.

Здесь позволим себе заметить ещё один иконографический нюанс, прежде опущенный в рассуждениях. Рассмотрим, как взоры Херувимов мандорлы устремлены к области вблизи левой руки Спасителя Судии. Этот нюанс в изображении удивительно согласен со словом покаянного песнопения: «Бога человеком невозможно видети, на Негоже не смеют чини Ангельстии взирати» (Покаянный канон ко Господу нашему Иисусу Христу, ирмос 9 песни). Взоры Херувимов мандорлы не простираются ко Христу и даже не приближаются вплотную к Его левой руке, растворяются в «близлежащем» образном пространстве символа. Предположим, что к этой же области – возносится глас ангельской трубы от западной арки, жест ангела над преклонённой фигурой пророка Даниила.

Изображения пророка Даниила и ангела, шествия праведных жен расположены в нижнем ярусе живописи и приближены к молящимся людям. В этой близости образа особенно впечатляет соразмерность изображённых фигур с естественным человеческим ростом.

Пророк Даниил преклонён в присутствии ангела, изъясняющего видения: «Вострепета дух мой в состоянии моем, аз Даниил, и видения главы моя смушаху мя. И приидох ко единому от стоящих и известия просих от него научитися о всех сих. И поведа ми известие и сказание словес возвести ми» (Дан. 7:15-16), - так читаем в пророческой книге. На иконном изображении пророк Даниил повержен ниц не в смущении видениями «головы своей», не в пояснении ангелом смыслов увиденного в Богооткровенном сне, но словно бы в действительном созерцании исполнения своих пророчеств. Предстоящий перед алтарём человек видит образ ангела, - теперь не определить доподлинно, куда обращён его взор. Ободряет ли пророка и людей, предстоящих здесь, ангел Господень, указуя на свершающееся, на нисходящего Сына Человеческого во славе, на символы

повергаемых царств? Что означает жест ангела и этот, почти неестественный, разворот фигуры пророка, внемлющего ангельским гласам?

Мы можем поймать себя на ощущении, что и пророк Даниил так же, как и предстоящие люди, со стороны предстоящих людей - взирает на ангела, у взглядов наших как бы единый предмет – вестник, указывающий на Судию, на осуществление сказанного в пророчестве. Взоры молящихся, опосредованно взиранием праведных жён, – обращены ко Христу, Совершающему Суд. Взоры молящихся, вместе со взором пророка Даниила – таинственно препосылаются ко Христу жестом десницы ангела, изъясняющего пророчества. И к человеку, молящемуся за литургией, обращён жест прикровенных рук пророка. Таинство, по существу неслиянности Божественной и человеческой природ во Христе, - остаётся таинственным в литургическом делании, открывающем нашу причастность к Богу...

Важно внятно отметить этот иконный нюанс изображения прикровенных рук пророка, - он столь приближен к нашей молитве. С прикровенными руками изображаются апостолы в чине Евхаристии. Как понять этот нюанс в контексте образных смыслов? Извещение ангелом об исполнении, об осуществлении предреченного и, вместе с тем, - символ сохранения нераскрытой, прикровенной тайны о дне и часе встречи «Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (Мф. 24:30, 36). Быть может, символ таинства столь приближен к человеку, как сосуду восприятия Христа в литургическом приобщении к Нему. Изъясняя для себя смысл изображения прикровенных рук, соотнесём этот символ с традиционным образом праматери Евы, изводимой из ада, - так она традиционно изображается на иконах Сошествие во ад, в том числе на иконе авторства Рублёва. Прикровенны руки и у ангелов, предстоящих у престола Богоматери в изображении южного нефа, - об этом станем размышлять позже. Фигура Даниила приклонена к земле. Неестественный разворот головы пророка делает его образ очень напряжённым, быть может, самым драматичным в пространстве нефа. Пожалуй, столь экспрессивен в рассматриваемой живописи только образ апостола Павла композиции шествия в рай, развёрнутой в южном нефе. Образ пророка Даниила и ангела сокровенен от нас в своём величии, упрятан утратами живописи от нашего прямого постижения и рассматривания. Слово бы неоценимый дар – сохранена частица живописи, несущая нам именно взор пророка. Лик ангела утрачен почти совершенно. Но в катастрофе живописных утрат, будто бы Сам Господь сохраняет неповреждённым самое важное - свидетельство о Себе. В пророческом взгляде, – взаимное проникновение таинственного и откровенного - приближено к людям предстоящим образу и молящемуся за литургией. Пророк взирает на ангела, который препосылает взгляд, личное пророческое устремление жестом руки – ко Христу. Исполнено проречённое Богом, оглаголавшим пророчествуящие уста. Открывшееся исполнение проречений узно Даниилом, и, вместе с тем, утаено от него – и об этом значение прикровенного жеста. Распознаем ли изъясненном символе некий камертон к Богообщению, духовное мерило внутреннему человеку, позволяющее дерзновение познания без порыва к обнажению тайны от завесы, от непроницаемого для разума покрыва. Неслиянность Божества и человечества, нераздельность их во Христе и в обоженном человеке, сочетание познаваемости и непознанныости Бога – знаменованы здесь, явлены в этом символе, почти утраченном для нас, едва мерцающем нынче в остатках живописного образа...

Опыт несомненного живого Богообщения автора живописи, изложенный образом, приближается в иконном облики к человеку, воспринимающему язык иконы, как свидетельство и научение, как деятельное предание – передачу духовного наследия... понимаем так, преклоняя личную выю пред величием передаваемого в немощи понести предложенное. Высокий и точный уровень иконописного Богословствования автора, безусловно, предполагал неперменное восприятие, его понимающее, внемлющее внимательно, единомысленное во Христе, сродное по существу в устремлённости к Единому на потребу. Понимаем, что слова об этом излишни, но всё же произносим их теперь... не в силах лично воспринять и усвоить дарованный образ в предложенной полноте.

